

УПРАВЛЕНЦАМ ВУЗОВ О СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ СТУДЕНТОВ

Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; soc_stu@el.ru*

Ключевые слова: Свердловская область, социологический мониторинг, университеты, студенты, образовательная общность, профессионализм, социология молодежи, социология образования, социальный статус, качество образования, социокультурное развитие, управление социальными процессами.

Статья посвящена обсуждению коллективной монографии, подготовленной по результатам долговременного (21 год) социологического мониторинга студенчества Свердловской области. Анализируется роль книги в развитии социологии молодежи и социологии образования, а также возможности для принятия управленческих решений на уровне вузов и региона.

Раскрываются наиболее значимые итоги мониторинга, касающиеся динамики основных социокультурных характеристик студенчества – социального статуса, профессионального самоопределения, ценностных ориентаций, гражданской культуры, студенческого досуга.

В конце 2017 г. вышла монография «СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала» [1]. Книга адресована широкому кругу исследователей проблем российского образования, руководству вузов, студентам, представителям государственной молодежной политики, лидерам молодежных организаций – всем, кто работает с молодежью или соотносит себя с ней.

Книга уникальна во многих отношениях. Во-первых, она представляет двадцатилетний опыт изучения социокультурного портрета студенчества Свердловской области. Такая практика в современной социологии встречается нечасто. За время мониторинга студенты, которых опрашивали авторы исследования на первом этапе в 1995 г., стали родителями студентов, обучающихся сегодня.

Во-вторых, в ней обобщаются результаты мониторинга – исследования, выполненного по единой программе с четко выраженным четырехлетним шагом. На каждом из семи состоявшихся этапов удавалось выдержать структуру исследования, сохранить объемы выборки, внести необходимые корректировки в исследовательский инструментарий и получить при этом сопоставимые результаты. Это было достигнуто благодаря единому руководству (руководителем и редактором бесценно выступает профессор Ю. Р. Вишневский) и участием значительного числа ученых Свердловской области в реализации исследования [1, с. 7–14]. Солидный авторский коллектив обеспечил надежность полученных результатов и их доступность для научного сообще-

ства: по каждому из этапов были опубликованы обобщающие статьи в ведущем социологическом журнале [2–6] и отчеты-монографии [7–11]. Результаты мониторинга послужили основой и для публикации огромного числа статей в научных журналах и для выступлений на конференциях всех уровней. Их общее число не поддается учету. То, что материалы исследования были использованы при подготовке семи докторских и восьми кандидатских диссертаций, говорит о серьезном вкладе в развитие и социологической, и педагогической науки.

В-третьих, исследование свердловского студенчества, основанное на достижениях уральской социологической школы [1, с. 9], дало возможность обобщить накопленный теоретический опыт в социологии молодежи и социологии образования на протяжении почти всего постсоветского периода [1, с. 8], дать развернутые сведения о восприятии студентами процессов модернизации высшего образования. Весьма интересным оказался и опыт сопоставления результатов последнего на сегодня VII этапа (2016 г.) мониторинга с проблемами и трендами, выявленными на протяжении всего исследования. Это оказалось ценным и потому, что материалы первых этапов превратились в библиографическую редкость. В этом плане книга приобрела свойства и учебника, и развернутой хрестоматии для студентов, изучающих социологию и организацию работы с молодежью.

Наконец, нужно отметить и практический смысл этого исследования. Его результаты легли в основу большого числа региональных норматив-

но-правовых актов, среди которых достаточно назвать областные законы, концепции, целевые программы¹, послужили научной основой для подготовки докладов Правительству Свердловской области [12, 13]. Более того, собранный в книге материал представляет ценность в управленческом плане. В ней анализируются изменения основных характеристик студенчества – социально-го статуса и самочувствия, процессов адаптации, образования и профессионального развития, ценностных ориентаций и внеучебной деятельности. Изучается дифференциация ряда социокультурных групп студентов. На основе материалов федеральных исследований приводятся представления студентов о российском социуме.

В обращении к читателям ректора Уральского федерального университета (УрФУ) В. А. Кокшарова подчеркивается особая значимость монографии для администраций и общественных организаций вузов: книга позволит им учитывать мнение студентов и корректировать свою текущую работу; для работодателей и органов трудоустройства и занятости, даст знание мотивов профессионального выбора, их профессиональных планов, отношения к получаемой профессии, даст возможность эффективнее управлять рынком труда, возможность формировать у молодежи моду на необходимые в будущем профессии; для управленцев книга выступит как источник ценной информации об одном из ведущих отрядов молодежи, позволит проводить региональную и муниципальную политику более дифференцированно и оптимально.

Остановимся на некоторых наиболее значимых аспектах мониторинга.

В анализе *статусной позиции студенчества* важно сместить акценты с переходности, «маргинальности» этой группы на понимание периода учебы как самостоятельного этапа жизни человека, на протяжении которого он имеет и формирует собственную среду развития, участвует в таких

видах деятельности, которые не только готовят его к чему-то отдаленному, перспективному, но и уже сегодня выступают в качестве личностно-образующих факторов и определяют модели социального поведения.

Последние этапы мониторинга зафиксировали позитивные изменения в составе студенчества: многолетний тренд «феминизации высшего образования» ослаб – особенно по техническому направлению.

Неравенство шансов получения высшего образования для жителей разных типов поселения за годы мониторинга (даже с учетом коренного изменения правил приема – введения ЕГЭ) сохранилось, хотя и уменьшилось – особенно для выпускников из малых и средних городов. Но выявлена и позитивная закономерность: те из них, кто поступил в вуз, в дальнейшем обучались более успешно. Сказывалось более четкое осознание ими получаемой профессиональной подготовки как важнейшего фактора социальной мобильности и жизненной карьеры.

Одновременно подтвердилась и обоснованность опасений о несоответствии единства требований ЕГЭ и серьезных социально-территориальных различий в качестве обучения школьников и, соответственно, в уровне их подготовки к экзаменам. Мониторинг отразил устойчивость возросшей доли выпускников гимназий, профильных классов среди студентов (каждый четвертый). Тем самым, проблема неравенства шансов «опускается» все ниже, о чем говорит и ажиотаж (особенно в крупных городах) с записью детей в первый класс. Изменение правил приема в вузы при этом привело и к другому негативному явлению – резко (вдвое) за годы мониторинга сократилось число студентов-выпускников колледжей, училищ. Превращение организаций среднего профессионального образования из «полустанка» в практически «конечную станцию» способствовало усилению перекоса в ориентациях старшеклассников – «вуз, вуз, вуз».

Обучение в вузе является весьма затратным (даже для «бюджетных» студентов) – более 90% респондентов постоянно отмечали получение материальной помощи от родителей и родственников. Устойчиво соотношение в оценке масштабов этой помощи («ощутимая»: «незначительная») 1,7: 1–2,4: 1. Речь все более идет не столько о «помощи родителей», сколько о массовом распространении официально (в виде контрактного обучения) или неофициально *платности высшего образования*. Внедрение дифференцированных систем образовательных кредитов, «ваучеров», к со-

¹ См., напр.: О государственной молодежной политике в Свердловской области. Областной закон от 13 декабря 1995 г. № 36-ОЗ // Областная газета. 1995, 20 декабря; О молодежи в Свердловской области. Закон Свердловской области от 29 октября 2013 г. № 113-ОЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/11/09/sverdlovsk-zakon113-reg-dok.html> (дата обращения: 27.11.16); О концепции государственной молодежной политики Свердловской области на период до 2020 года [Электронный ресурс] / Постановление Правительства Свердловской области от 20 апреля 2011 г. № 440-ПП. Режим доступа: <https://www.referent.ru/115/2594> (дата обращения: 27.11.16); Об утверждении областной государственной целевой программы «Молодежь Среднего Урала на 2002 год» [Электронный ресурс] / Постановление Правительства Свердловской области от 26 сентября 2001 г. № 633-ПП. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/801110300> (дата обращения: 17.04.2017).

жалению, до сих пор не получило своего развития. Образовательный кредит не стал нормой ни для самих студентов и их родителей, ни для кредитных учреждений.

В этих условиях все более массовым становится феномен «работающего студента». За годы мониторинга был выявлен ряд аспектов этой проблемы. Прежде всего, неустойчивость и противоречивость статуса. Для работодателей он является удобным работником (но более половины работают без трудового договора, многие с началом кризиса были уволены). Для вуза и – главное – многих преподавателей он просто студент. Ситуация обостряется тем, что лишь у одного из пяти работающих студентов работа связана с осваиваемой профессией, у одного из четырех – связана, но незначительно, частично.

Результаты мониторинга отражают необходимость вносить коррективы в сложившуюся практику ежегодного сокращения бюджетных мест по социально-экономическому и управленческому направлению. Соотнесение этой практики с необходимостью устранить сложившийся перекос – «нехватка инженерных кадров» – в принципе понятно, но не должна недооцениваться и другая сторона проблемы – не слишком ли велика доля контрактников в вузах, готовящих специалистов для последующей реализации важных социально-государственных функций – учителей, врачей, управленцев, юристов и т. д.?

Важный аспект социального статуса студенчества – *место жительства в период обучения*. Изменение состава студенчества (рост доли иногородних студентов), растущие материально-бытовые трудности «общежитской» жизни и возможности части родителей (а на старших курсах и самих студентов) снять жилье – все это влияло на расселение студентов. За годы мониторинга четко прослеживается ряд тенденций. В основном устойчива и не очень значима доля тех, кто *проживает у родных знакомых* (в диапазоне – 3–6%), на частной квартире (10–15%) или *имеет свою жилплощадь* (4–7%). Сокращается доля тех, кто *проживает с родителями*. За 1999–2016 гг. она уменьшилась почти вдвое, в том числе за 2012–2016 гг. – на четверть. Одновременно столь же четко прослеживается рост числа студентов, *проживающих в общежитии* (вдвое), сегодня почти каждый второй (46%) проживает в общежитии. Учет этого тренда потребует на перспективу не только увеличения масштабов строительства студенческих общежитий в Екатеринбурге и резкого повышения комфортности проживания студентов в них, но и возрождения роли обще-

жития как основного центра внеучебной работы со студентами.

Пожалуй, наибольшие изменения за годы мониторинга произошли в *семейном статусе* студенчества, прежде всего, за счет состоящих в браке – зарегистрированном и незарегистрированном (в 2016 г., по самооценкам респондентов, их соотношение составило 1: 3). На эти перемены существенно повлияли изменения в половой морали молодежи и студенчества, зафиксированные уже в конце 1990-х гг.: три из каждых пяти респондентов относились к свободной интимной жизни одобрительно, лишь каждый пятый – безразлично, столько же – с осуждением. При этом почти для каждого второго это стало нормальной жизненной практикой. Сегодня речь нередко идет не столько о недопустимости (в оценках общественного мнения и в поведении) ранних интимных отношений, сколько о том, какой – *социально-допустимый* или *асоциальный* – характер они приобретают. Соответственно, и задачи воспитания студенчества сегодня должны включать формирование культуры интимных отношений, взаимного уважения сексуальных партнеров друг к другу, преодоление «двойных стандартов» в половой морали (особенно юношей).

Социальное самочувствие студентов определяется тем, как решаются те или иные *социальные проблемы*. Какие же социальные проблемы наиболее беспокоят студентов? Как за годы мониторинга менялось ощущение остроты тех или иных проблем? В конце 1990-х гг. как наиболее острая *социальная* проблема оценивалось трудное материальное положение, в начале 2000-х – распространенность наркомании, алкоголизма, культуры силы и насилия в молодежной среде, на последних этапах мониторинга (2012–2016 гг.) – опасение не найти работу после окончания вуза (кстати, среди наиболее волнующих личных проблем в приоритете – «как найти хорошую работу»). Этим сильнее были озабочены студентки; сказывалась реальность: у безработицы четко обозначилось «интеллектуальное, женское лицо». Наименьшие изменения оказались присущими зоне низкой напряженности – с сохранением и позитивных (устойчиво большинство респондентов не отмечало в перечне беспокоящих их проблем низкое качество образования), и негативных моментов (недооценка значимости нормальных условий для полноценного культурного досуга).

В этих условиях актуализировалась потребность в качественном совершенствовании работы вузов по трудоустройству своих выпускников и возрождении традиционной системы распре-

ления выпускников, вызывавшей немало нареканий, но и, как становится понятно сегодня, выполнявшей важные социально-защитные функции.

В 2016 г. в анкету был включен вопрос «Что угрожает Вашей безопасности?» Наряду с ожидаемыми оценками (терроризм, кризис экономики, возможность остаться без средств к существованию) удивила (в ответах каждого второго) обеспокоенность «оказаться в одиночестве, быть непонятым однокурсниками». Распространенность индивидуалистических настроений сегодня, как фиксируют и социологические, и психологические исследования, – реальный феномен. Для многих студентов компьютерное общение заметно потеснило непосредственное межличностное общение. Но в ответах студентов понимание одиночества как опасности, угрозы превалирует над стремлением к одиночеству как «уединенности». А это означает важность распространения «командных» (team) форм организации учебного процесса и коллективных форм студенческого досуга. Нужно учитывать и изменяющееся понимание коллективизма (от «все, как один» к «от усилий каждого зависит успех коллектива», то есть коллектив – не «единство одинаковых», а «единство разнообразия»). Еще один важный момент – большинство студентов отвергли распространенный стереотип о значительных масштабах коррупции в вузах, хотя на опасность коррупции в их вузах указал почти каждый третий студент. Насколько реальны эти опасения, сказать достаточно сложно. Но неверно игнорировать это субъективное мнение, своеобразную «информацию к размышлению».

Социальное самочувствие молодежи наиболее полно отражается в настроениях и ожиданиях молодых. Ситуация в главном не изменилась: *в сознании молодежи альтернативы реформам нет*. Лишь 1–2 % студентов воспринимает как необходимое условие улучшения социальной ситуации возврат к прежним порядкам. При этом в их сознании прежние порядки существуют по большей части не как собственный жизненный опыт, а как исторический феномен, транслируемый старшим поколением. В этом проявляется «инерция движения». Поэтому ни о каком возврате к прошлому, поддержанном многими молодыми, речь идти не может. Проблема для молодых стоит в иной плоскости: как – по темпам, методам и т. д. – будут осуществляться реформы. Одновременно усиливается адаптация молодежи к новым социально-экономическим отношениям. Многие феномены рыночного образа жизни, пусть даже в условиях полудикого рынка, к со-

жалению, до сих пор не ставшего цивилизованным, не воспринимаются значительной частью молодежи как аномальные. В них видится способ вхождения в рыночные отношения, возможность адаптироваться к новым условиям.

В 2012–2016 гг. заметно (почти вдвое) сократилась доля «умеренных оптимистов», считающих, что хотя и не скоро, но улучшения произойдут. Но одновременно остается устойчивой доля «розовых оптимистов» (каждый четвертый), уверенных, что «лучше будет уже завтра». Это отражает неоднородность нового поколения молодежи, где прагматизм и реализм сочетаются с неистребимым оптимизмом, верой в обязательное чудо, вера в его осуществление (инерция ценностных ориентаций). По-прежнему в сознании многих студентов вероятность «чуда в моей жизни» представляется значительно большей, чем коллективного, общесоциального. Смещаются оценки – «пусть вокруг многое плохо, но это вокруг; меня это не коснется». Практически не утратила позиций «привычка терпеть», в которой переплетаются и консерватизм, традиционность, и устойчивость, стабильность. Незначительность этой группы (3–4 %) показывает, что терпение может хватить ненадолго.

Наибольшую тревогу вызывает утверждение в студенческом сознании *психологии «ноувизма»* – стремления жить только сегодня, сейчас, «не забивать себе голову», ориентация на сиюминутность в выборе, поступках, поведении (в 2016 г. это отметил каждый четвертый). В какой-то мере это – отражение стихийного протеста молодежи против навязывавшихся ей стереотипов: сегодня готовиться к завтрашней жизни. Но в том-то и проблема (а для многих – трагедия), что жизнь не завершается сегодняшним днем. «Сегодня» тысячами нитей – профессией, местом жительства, семьей и т. д. – связано с «завтра». Потеря многими перспективы – серьезная деформация их ценностно-мотивационных установок.

Студенческая жизнь начинается с поступления в вуз и *адаптации* студента в вузе. Успешная, эффективная, оптимальная адаптация к жизни и учебе в вузе – залог дальнейшего развития каждого студента как человека, гражданина, будущего специалиста. Этим определяется исследовательский и практический интерес к изучению разнообразных и противоречивых проблем адаптации. Конечно, с учетом специфики выборки (студенты третьего курса) в вопросе об адаптации был использован ретроприем, респонденты оценивали свою адаптацию с «вершин» опыта обучения. Прослеживается четкая тенденция:

до половины (в 2016 г. – почти 3/5) оценили свою адаптацию как «нетрудную» и «недолгую»; для каждого третьего (в 2016 г. – четвертого) период адаптации вообще оказался ненужным (конечно, вряд ли такое самонимение адекватно отражает реальные результаты и достижения адаптационного процесса, к тому же, возможно, сказываются и негативные аспекты «синдрома третьекурсника»); на всех этапах мониторинга для каждого шестого процесс адаптации был трудным и долгим.

Более информативными были ответы о тех конкретных сложностях и проблемах, которые затрудняли вхождение первокурсников в студенческую жизнь. Только один показатель – «перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание» – остается в тройке приоритетных трудностей, с которыми сталкиваются студенты на протяжении 2007–2016 гг. Важнейшей, к сожалению, негативной особенностью результатов исследования в 2016 г. явилась фиксация большого количества студентов, которые отметили неудовлетворительную работу кураторов академических групп (каждый третий). Среди значимых трудностей – недостаточная довузовская подготовка и неумение организовать себя. Это определяет важность совместной работы вузов и школ по формированию умения учиться. Еще одна проблема – среди тех, кто помог адаптироваться, респонденты выделяют старшекурсников и однокурсников, гораздо реже – преподавателей. Вероятно, многие преподаватели на I курсе недооценивают свою адаптационную функцию. Крайне низко (по оценкам респондентов) и влияние на адаптацию курса «Введение в специальность».

С III этапа (2003 г.) в анкету мониторинга был включен блок вопросов об удовлетворенности студентов учебным процессом и качеством обучения. В целом ситуация с удовлетворенностью не только благополучна, но и достаточно стабильна. Большинство третьекурсников (несмотря на смену целого поколения за годы мониторинга) довольны и выбранным вузом, и осваиваемой профессией. Доля разочарованных этим выбором ни разу за весь период не превышала 10%. Но только один из восьми студентов, вполне довольных обучением, не высказал тех или иных замечаний по содержанию или по организации учебного процесса.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в сравнении традиционных и инновационных методов обучения студенты отдают предпочтение первым. За этим стоит не столько неприятие инноваций, сколько неготовность многих из них к работе по-новому (возможно, также и их

реакция на не очень высокое у части преподавателей качество реализации инновационных методов). Хотя в целом качеством преподавания удовлетворены четверо из каждых пяти, связь преподавания с жизнью, реальной работой по профессии вызывает большие нарекания. В зависимости от профиля подготовки эта проблема наиболее значима для студентов технических специальностей, далее следуют студенты социально-экономического и гуманитарного профиля. Но особенно критично оценивают респонденты недостаточное привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти. В рамках организации учебного процесса меньшую удовлетворенность респонденты проявили в отношении учебных и производственных практик, режима учебного труда и отдыха, равномерности распределения учебной нагрузки. Мониторинг отразил значительную удовлетворенность студентов отношением к ним других участников учебного процесса (преподавателей, УВП, администрации вуза – в диапазоне от четырех из пяти до трех из четырех). Гораздо больше у них претензий к привлечению к научно-исследовательской работе кафедры и индивидуальной работе преподавателей со студентами. Конечно, ситуация требует более детального анализа. В преддверии дальнейшего внедрения модульных принципов, индивидуальных траекторий, предполагающих и самостоятельность студентов, и важность их квалифицированного сопровождения, обратить внимание на проблему, безусловно, необходимо.

Важнейшая проблема мониторинга – профессиональное самоопределение студентов (от мотивации выбора вуза и профиля до планов после окончания вуза). Среди проблем профессионального выбора *на уровне школы* особенно остро стоит вопрос о соотношении выбираемой профессии с личными склонностями и способностями абитуриента. Здесь можно выделить ряд аспектов проблемы: нечеткость самого выбора; расплывчатый образ «будущей профессии»; отсутствие четкого представления о требованиях профессии к работнику; неумение (неподготовленность) многих выпускников школ (да и студентов) выявить свои склонности и способности, тем более – соотносить их с требованиями той или иной профессии. К сожалению, психодиагностика – слабое звено и системы профориентации, и профконсалтинга.

Интересна уже динамика мотивов выбора вуза. Основные тренды профессионального выбора таковы:

– усиливается влияние *прагматических, меркантильных мотивов* (они на первом плане, устойчиво занимают первое место в ранговом ряду).

Но качественный анализ отражает сложность этого мотива – за ним все чаще стоит усиливающаяся ориентация молодежи на справедливость (включая представление о высшем образовании как о пути к жизненному успеху);

– остается приоритетной *профессиональная направленность* выбора вуза, но одновременно все четче проявляется и *депрофессионализация – в высшем профессиональном образовании* акцентируется *высшее*;

– рост значимости *статусных* моментов (престиж, авторитет вуза);

– все еще велика доля *случайных* мотивов;

– сохраняется *недооценка* молодыми людьми своего *профессионального призвания* (связано и с неумением определить склонности, способности);

– нарастает *самостоятельность* (*индивидуализация?!)* выбора, снижается роль семейных традиций, школьных учителей;

– начинает сказываться (но крайне медленно) *профильность обучения в общеобразовательной школе*;

– не меняется *низкая оценка* (возможно, как отражение малой роли) влияния профориентации, профориентационной работы.

Заметен определенный разрыв между «*хочу*» и «*могу*». Что касается третьего компонента выбора – «*надо*», заметно изменение ориентаций: от «*долга*», «*служения людям*» – к личному успеху, все чаще измеряемому уровнем заработка, дохода. Ответы студентов отражают и позитивные тренды: высокую значимость содержательной стороны профессиональной деятельности («творческой, интересной работы»), возрождение в новых условиях коллективистских ориентаций.

Профессиональные ориентации конкретизировались в мониторинге на основе представлений «Что для вас наиболее значимо в будущей работе?» Ответы респондентов отразили следующее:

– устойчиво (при некотором количественном сокращении) приоритетна возможность высоких заработков;

– столь же устойчивы значения ряда важных индикаторов (прежде всего, – возможности карьеры, достижения высокого профессионализма, что отмечено в 2012–2016 гг. каждым вторым; чуть снизилось значение, но остались достаточно значимыми социальные показатели – возможность принести пользу людям; возможность достичь признания, уважения – в 1999 г. их отметил каждый третий, в 2016 г. – каждый четвертый);

– гораздо меньшее значение стало придаваться самостоятельности, независимости, отсутствию

мелочной опеки, регламентации (снижение в два с лишним раза); соответствию профессии способностям, знаниям, умениям человека (в три с лишним раза);

– усилилась (в четыре раза) недооценка связи профессии с современной техникой, новейшими технологиями.

Данные мониторинга косвенно свидетельствуют о распространенности *ориентации не на специальность, а на высшее образование как таковое*. Очевидно, такая «депрофессионализация» (точнее – уход от узкой специализации) – отклик на динамично изменяющийся социум, в котором усиливается неопределенность. Ситуация, когда вуз рассматривается частью абитуриентов и студентов (особенно женской их частью) скорее как форма продолжения обучения в высшей школе, чем как возможность получить необходимую профессию и квалификацию для дальнейшей работы, становится все более «привычной».

Каковы же профессиональные планы свердловских студентов? В целом тенденции предшествующих лет сохраняются и в 2016 г. Доля студентов, планирующих работать по специальности, снизилась с уровня последних этапов (каждый второй, два из пяти) до каждого третьего. По сравнению с 1990 гг. доля респондентов, планирующих открыть свое дело и заняться предпринимательством, остается невысокой – на уровне одного из семи. Хотя и стала более реалистической, сократившись – по сравнению с 2003 г. – вдвое. По-прежнему остается низкой доля студентов, которые хотели бы заниматься наукой, делать научную карьеру (менее 1 %). Доля студентов, планирующих продолжить образование, в 2016 г. выросла и достигла уровня 2003 г. (каждый пятый). Если для выпускников 2003 г. продолжение образования обычно подразумевало получение второго высшего образования, то для выпускников 2016 г. – это и обучение в магистратуре.

Стержень социокультурного анализа – выявление ценностных ориентаций. Исходный момент такого анализа – определение общих жизненных ориентиров. Весьма условно в анкету была заложена известная альтернатива Э. Фромма «Быть или Иметь?». Для более половины респондентов характерен акцент на достигательную жизненную стратегию («хавательную» – звучит это на молодежном жаргоне как производное от to have – иметь). Значительно меньше респонденты (два из пяти) отдают предпочтение нравственной стороне жизненных успехов. Практически отвергнуто соотнесение жизненных стратегий с «духовностью».

Обобщение результатов многолетних исследований позволило выявить основное и неизменное свойство ценностного сознания студенчества – его принципиальный амбивалентно-транзитивный (переходный) характер, оказывающий непосредственное влияние на эклектичную направленность ценностных ориентаций. Основным исследовательский вывод мониторинга – устойчивость ценностных приоритетов студенчества.

Мониторинг выявил *содержательное многообразие жизненно важных ценностей-целей*. Набор терминальных ценностей отражает важнейшие сферы самореализации студентов и систему их жизненных ориентаций. Интегрирующее ядро ценностных ориентаций респондентов составляют общепринятые, социально одобряемые, идеологически нейтральные ценности частной жизни – здоровье, семья (и родительская, и собственная), самореализация (возможность реализовать свои способности). Материальное благополучие (после лидирующих позиций здоровья и семьи) является доминантой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов молодежи. Материальное благосостояние ценится гораздо выше свободы, независимости, ценность оплаты труда превалирует над ценностью интересной работы. Работать по специальности после окончания вуза намерена только треть студентов. Каждый пятый опрошенный готов продолжить (или все-таки получить?) образование в магистратуре, отсрочив начало профессиональной деятельности еще на 2–3 года. Вывод напрашивается сам собой – для значительной части студентов специальность, получаемая в вузе, не дает им профессии, которая могла бы создать основу для их благополучия на долгие годы. Прожективная ориентация на интересную работу в будущем, поиск дела по душе – у половины студентов *не связан с получаемой специальностью, профессией*.

Но выявлена и позитивная ценностная переориентация: на смену *патерналистских* и в какой-то мере *инфантилистских* настроений («Я могу чего-то добиться в жизни только благодаря помощи извне») приходит осознание необходимости, прежде всего, личностных, деятельностных усилий («Мой успех зависит от меня, от моей предприимчивости»). Важная роль в установках респондентов отводится *образованию*, которое выступает в качестве основы, фундамента для будущей успешной жизни (особенно это присуще студентам из села, ПГТ, малых и средних городов).

Исследование гражданской культуры (и ее ядра – политической культуры) студенчества позволило выявить основные (устойчивые?) харак-

теристики его отношения к политике: *политика не является приоритетной сферой интересов и потребностей* студенческой молодежи; интерес студенческой молодежи к политике носит в основном *ситуативный* характер. Студенческая молодежь не безразлична к конкретным политическим событиям в стране, регионе, но политическая заинтересованность проявляется избирательно (от случая к случаю); основная форма интереса к политике – *информационная*. Аполитичность значительной ее части выступает следствием и крушения традиционных идеологических стереотипов, и неприятия молодыми людьми любых попыток манипулировать ими для достижения политических выгод и целей. В результатах мониторинга обращает на себя внимание тот факт, что на первый план в оценках респондентов (которые в силу специфики вопроса выступают как своеобразные эксперты) выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а недоверие ко многим политикам и главное – *неуверенность, что личное участие может иметь значение*. В интерпретации этой неуверенности можно (ссылаясь на предыдущие исследования) выделить ряд аспектов. Она, конечно, отражает реальную политическую отчужденность многих молодых людей. Но все чаще – особенно среди студенчества – приобретает форму *неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности* (в данном случае – в политической сфере). Дело не в какой-то априорной «аполитичности молодежи», как нередко утверждается политиками и правой, и центристской, и левой направленности. Главное (и это отражает растущую политическую активность молодежи, особенно студенческой), насколько реальная политическая жизнь позволяет (или не позволяет) ей почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или не вызывают) ее доверие, защищают (или не защищают) ее жизненные интересы (в данном случае перекося почти всех политических сил России в предвыборных ориентациях на электорат более старшего возраста весьма показателен), подтверждают (или опровергают) стереотип «политика – грязное дело». За годы мониторинга оставалось неизменным и даже усиливалось главное – более половины респондентов (в 2012 г. три из каждых пяти, в 2016 г. – уже два из каждых трех) *или не придерживаются никакой идеологии, или не имеют четких ориентаций*. Результаты последних этапов мониторинга во многом сходны и отличаются лишь акцентами на ту или иную позицию.

Наконец, отметим основные тренды динамики студенческого досуга:

– некоторое снижение роли такого досугового занятия, как *прослушивание музыки*;

– уже в 2003 г. было зафиксировано значительное возрастание выбора позиции «*хобби*», оно продолжилось, в 2016 г. *любительские занятия* вышли на первое место среди всех досуговых занятий;

– компьютеризация и индивидуализация досуга определили еще две заметные тенденции. Произошло заметное *сокращение коллективно-развлекательных занятий*. За годы мониторинга втрое сократилась доля тех, кто отдавал предпочтение вечеринкам как досуговому занятию. Сходным (втрое) было и сокращение тех, кто в свободное время предпочитал посещать дискотеки. С другой стороны, заметно и снижение роли и значения «культурных практик»: чтения (за 1995–2016 гг. – в 1,7 раза), посещение учреждений культуры (театры, кинотеатры, музеи, выставки) – в 1,5 раза, просмотр телепередач – в 4 раза;

– противоречиво изменялись за годы мониторинга *предпочтения* в отношении *активных форм досуга, формирующих здоровый образ жизни*: выезды на природу, туризм; занятия спортом. В пятерке приоритетных занятий они сохранили свое место. Но за годы мониторинга наметилась тенденция к медленному снижению доли тех, для кого занятие спортом – приоритетное досуговое занятие. И тем примечательнее, что в 2016 г. эта тенденция была нарушена. Да и по выездам на природу – после сравнительно длительного периода (1999–2012 гг.), когда удельный вес предпочтений данному виду занятий, резко сократившийся в сравнении с 1995 г., оставался практически неизменным – в 2016 г. возрос;

– как в целом по массиву, так и в отдельных группах, модель досуговой деятельности сориентирована в основном на *потребление культурных ценностей* – «слушаю музыку», «смотрю телевизор», «читаю» и т. п. Большой разброс оценок свидетельствует о том, что *рекреативные (отдых) и развивающие формы досуга* представлены в равной мере.

Мы остановились преимущественно на общих тенденциях социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Но обобщенная публикация по итогам мониторинга содержит и более дифференцированную информацию – по полу, месту жительства до вуза, направлению обучения и – самое главное – по каждому из вузов, студенты которого участвовали в опросе. Однако в представляемой публикации осуществлен и ана-

лиз по типу вуза – технические, педагогические, экономические. Наконец, включены и материалы федеральных исследований, проводившихся в период мониторинга и нацеленных на выявление мнений свердловских студентов (Студенчество России о Великой Отечественной войне, Студенты о социальном неравенстве и социальной справедливости в российском социуме).

Список литературы

1. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2017. 904 с.
2. Вишевский Ю. Р., Рубина Л. Я. Социальный облик студенчества 90-х годов // Социологические исследования. 1997. № 10. С. 56–69.
3. Вишевский Ю. Р., Шапко В. Т. Студент 90-х – социокультурная динамика // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 56–64.
4. Вишевский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6 (266). С. 26–36.
5. Вишевский Ю. Р., Шапко В. Т., Трынов Д. В. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования. 2009. № 4 (300). С. 108–117.
6. Банникова Л. Н., Боронина Л. Н., Вишевский Ю. Р. Новые явления в ценностных ориентациях уральского студенчества // Социологические исследования. 2013. № 2 (346). С. 58–68.
7. Студент-99: Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (май-апрель 1999 г.) / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: СВАПОС, 1999. 80 с.
8. Студент-2003: Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования (Екатеринбург, весна 2003 г.) / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. 110 с.
9. Студент-2007. Материалы IV этапа социологического мониторинга (апрель-июнь 2007 г.) / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. 180 с.
10. Студент-2009. Материалы V этапа социологического мониторинга (январь-апрель 2009 г.) / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2009. 162 с.
11. Студент-2012: материалы шестого этапа социологического мониторинга, декабрь 2011 – январь 2012 / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2012. 332 с.
12. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 350 с.
13. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 272 с.

TO MANAGERS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS ABOUT SOCIOCULTURAL DEVELOPMENT OF STUDENTS

Yu. R. Vishnevsky, D. Yu. Narkhov

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltzin
19 Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; soc_stu@el.ru*

Key words: Sverdlovsk region, sociological monitoring, universities, students, educational community, professionalism, youth sociology, education sociology, social status, quality of education, sociocultural development, management of social processes.

The article is devoted to the discussion of a collective monograph based on the results of long-term (21 years) sociological monitoring of Sverdlovsk regions students. The role of the book in the development of youth sociology and education sociology is analyzed alongside with the opportunities for managerial decision-making at the university and regional level.

The most important outcomes of the monitoring are revealed concerning dynamics of the basic sociological and cultural characteristics of students: social status, professional self-determination, values, civil culture, student's pastime.

References

1. Vishnevsky Yu. R. (ed.). STUDENT 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala [Student of 1995–2016: Dynamics of Sociocultural Development of Students of the Central Ural Region], Ekaterinburg, Ural Federal University, 2017, 904 p.
2. Vishnevsky Yu. R., Rubina L. Ya. Sotsial'nyi oblik studenchestva 90-kh godov [Social Image of Students in the 1990s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1997, no. 10, pp. 56–69.
3. Vishnevsky Yu. R., Shapko V. T. Student 90-kh – sotsiokul'turnaya dinamika [The Student of the 1990s – Sociocultural Dynamics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2000, no. 12, pp. 56–64.
4. Vishnevsky Yu. R., Shapko V. T. Paradoksal'nyi molodoi chelovek [Paradoxical Young Man]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2006, no. 6 (266), pp. 26–36.
5. Vishnevsky Yu. R., Shapko V. T., Trynov D. V. Grazhdanskaya kul'tura studentov. Tendentsii i problemy formirovaniya [Students' Civic Culture. Issues and Trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2009, no. 4 (300), pp. 108–117.
6. Bannikova L. N., Boronina L. N., Vishnevsky Yu. R. Novye iavleniia v tsennostnykh orientatsiiakh ural'skogo studenchestva [New Developments in the Value Orientations of Students of the Ural Region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no. 2 (346), pp. 58–68.
7. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Student-99: Informatsionno-analiticheskii otchet po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya (mai-aprel' 1999 g.) [Student-99: Information and Analytical Report on the Materials of the Sociological Research], Ekaterinburg, SVAPOS, 1999, 80 p.
8. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Student-2003: Informatsionno-analiticheskii otchet po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya (Ekaterinburg, vesna 2003 g.) [Student-2003: Information and Analytical Report on the Materials of the Sociological Research], Ekaterinburg, AMB, 2003, 110 p.
9. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Student-2007. Materialy IV etapa sotsiologicheskogo monitoringa (aprel'-iyun' 2007 g.) [Student-2007. Materials of the 4th Stage of the Sociological Monitoring (April-June 2007)], Ekaterinburg, Ural State Technical University, 2007, 180 p.
10. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Student-2009: materialy pyatogo etapa sotsiologicheskogo monitoringa (ianvar'-aprel' 2009 g.) [Student-2009. Materials of the 5th Stage of the Sociological Monitoring (January-April 2009)], Ekaterinburg, Ural State Technical University, 2009, 162 p.
11. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Student-2012: materialy shestogo etapa sotsiologicheskogo monitoringa, dekabr' 2011 – ianvar' 2012 [Student-2012. Materials of the 6th Stage of the Sociological Monitoring, December 2011 – January 2012], Ekaterinburg, Ural Federal University, 2012, 332 p.
12. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Polozhenie molodezhi Sverdlovskoi oblasti v 2014 godu: nauchnye osnovy doklada pravitel'stvu Sverdlovskoi oblasti [The Situation of Young People of Sverdlovsk Region in 2014: Scientific Basis of the Report of the Government of Sverdlovsk Region], Ekaterinburg, UMTs UPI, 2016, 350 p.
13. Vishnevsky Yu. R. (ed.). Polozhenie molodezhi Sverdlovskoi oblasti v 2015 godu: nauchnye osnovy doklada pravitel'stvu Sverdlovskoi oblasti [The Situation of Young People of Sverdlovsk Region in 2015: Scientific Basis of the Report of the Government of Sverdlovsk Region], Ekaterinburg, UMTs UPI, 2016, 272 p.

Информация об авторах / Information about the authors:

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, почетный профессор УрФУ, профессор кафедры социологии и технологий ГМУ, профессор кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета; 8-922-29-29-308; soc_stu@el.ru.

Нархов Дмитрий Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского федерального университета; 8-908-910-83-29; d_narkhov@mail.ru.

Yury R. Vishnevsky – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Chair of sociology and technologies of SMM, honorary Professor, Chair of Youth activities management; 8-922-29-29-308; soc_stu@e1.ru.

Dmitry Yu. Narkhov – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor at the Chair of Youth activities management, Ural Federal University; 8-908-910-83-29; d_narkhov@mail.ru.

